

ТРИЛЛЕР

ДЛЯ
ВСЕХ

Ф И О Н А
Б А Р Т О Н

Д И Т Я

Москва
2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б26

Fiona Barton
THE CHILD

Copyright © Fiona Barton, 2017. This edition published by arrangement
with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *Наталии Флейшман*

Художественное оформление *Петра Петрова*

Бартон, Фиона.

Б26 Дитя / Фиона Бартон ; [пер. с англ. Н. Флейшман]. — Москва : Эксмо, 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-04-095983-9

«Рядом со старым особняком обнаружены останки младенца» — пестрят все газеты Лондона. Кажется, весь город шокирован новостью. Какое чудовище способно убить дитя и похоронить его в саду? Кейт Уотерс решает провести журналистское расследование. Кто ребенок, как давно там захоронен, неужели это украденная много лет назад малышка? — только вопросы, и никаких зацепок. Но стоит потянуть всего за одну ниточку, чтобы распутать клубок. А что, если он не безобиден, а состоит из мерзких и болезненных тайн, жальщих подобно змеям?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Флейшман Н., перевод на русский язык,
2018

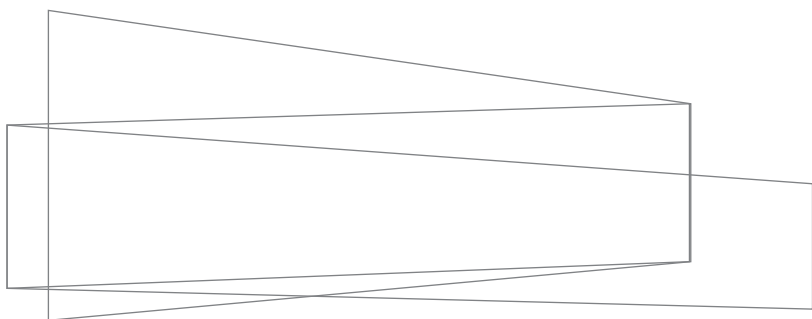
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095983-9

Когда правду подменяют молчанием,
молчание есть ложь.

Е. Евтушенко

..... 1

Вторник, 20 марта 2012 года

ЭММА

Я сажусь за рабочий стол, и компьютер мне этак многозначительно подмигивает. Трогаю пальцем клавиатуру — и на экране возникает фотография Пола. Это я сняла его в Риме в наш медовый месяц. Из-за столика в «Кампо-дей-Фиори» на меня устремлен его полный любви взгляд. Пытаюсь улыбнуться ему в ответ, но, чуть подавшись к экрану, вдруг ловлю в нем собственное отражение и замираю. Терпеть не могу так вот, внезапно, себя увидеть. Порой я даже себя не узнаю. Кажется, что вроде бы хорошо помнишь свою наружность — и тут на тебя как будто смотрит совершенно незнакомый человек. И меня иногда это очень пугает.

Однако сегодня я начинаю разглядывать это незнакомое лицо. Каштановые волосы убраны на макушку небрежным пучком, открывая взору бледную кожу с тенями вокруг век и морщинками, что тянутся к глазам, точно трещины от оседания грунта.

— Господи, ну и паршиво же ты выглядишь, подру-
га, — беззвучно говорю я женщине на экране.

Безмолвное шевеление ее губ завораживает меня,
и я заставляю ее сказать что-нибудь еще.

— Давай-ка, Эмма, доделывай работу, — велит она.

Я отвечаю ей вымученной улыбкой, и она мне так
же вяло улыбается.

«Ты ведешь себя как сумасшедшая», — говорит она
мне уже внутренним моим голосом, и я прихожу в себя.

«Слава богу, Пол меня сейчас не видит».

Вернувшись вечером домой, Пол выглядит усталым
и даже каким-то раздражительным после целого дня
общения с «дубоголовыми» студентами и очередной
баталии с деканом факультета из-за своего расписания.

Может, это уже возрастное, но теперь любые трения
на работе для Пола оборачиваются серьезной встряской.
Мне кажется, он начинает сомневаться в себе, кругом
и всюду видя угрозу своему положению. На самом деле,
каждая университетская кафедра — это словно отдель-
ный львиный прайд. Множество самцов самодовольно
рыскают вокруг, всячески, даже своими рудиментарными
пальцами, оспаривая свое первенство. Я говорю Полу все,
что полагается в таких случаях, и делаю ему джин-тоник.

Убирая с дивана мужнин портфель, я замечаю, что
он принес домой газету, свежий выпуск *The Evening
Standard*. Должно быть, прихватил в подzemке.

Пока Пол отправляется в душ смывать с себя днев-
ные заботы и треволения, я сажусь ее читать — и тут
натякаюсь на заметку.

«*Найдено тело младенца*», — сообщается в ней.
Далее всего несколько строк о том, что на строительной

площадке в Вулвиче обнаружены останки новорожденного и что полиция ведет расследование. Я перечитываю это раз за разом и все не могу до конца вникнуть в написанное, словно это какая-то инородная речь.

Тем не менее я хорошо знаю, о чем там говорится, и меня сразу обволакивает страх. Легкие сжимаются, выдавливая воздух, становится трудно дышать.

Я сижу, будто приросши к месту. Наконец возвращается Пол, весь влажный и распаренно-румяный, и тут же начинает вопить, на плите что-то горит. Свинина на сковороде почернела — сгорела просто до головешек. Я выбрасываю ее в мусорное ведро и поскорее открываю окно, чтобы выпустить из кухни дым. Потом достаю из морозилки готовую пиццу, ставлю в микроволновку. Пол между тем молча садится за стол.

— Нам непременно надо поставить датчики дыма, — спокойно произносит он вместо того, чтобы ругать меня за то, что чуть не спалила весь дом. — Легко обо всем забыть, когда что-то читаешь.

Какой он все-таки чудесный! Я его совершенно не заслуживаю.

Стоя перед микроволновкой и глядя, как внутри медленно вращается и пузырится пицца, я уже, наверно, в миллионный раз задаюсь вопросом: а вдруг он меня бросит? По уму, ему уже давно следовало бы это сделать. На его месте я бы уж точно это сделала — каждый божий день терпя все мои заморочки. Однако по нему не скажешь, что Пол готовится собирать чемоданы. Напротив, он печется обо мне, точно заботливый родитель, оберегая от всяческих напастей. Он утихомиривает меня, когда я начинаю взвинчиваться, и вечно придумывает всевозможные доводы, чтобы меня подбодрить, и успо-

каивающе прижимает к себе, когда я плачу, и все время внушает мне, какая я необыкновенная, умная и вообще замечательная женщина.

— Просто недуг твой так на тебе сказывается, — говорит Пол. — Сама ты вовсе не такая.

Вот разве что. Не такая. Он и впрямь совсем меня не знает. Насчет этого я очень постаралась. И когда я уворачиваюсь от любых упоминаний о моем прошлом, Пол с уважением относится к моему личному пространству.

— Ты не обязана меня во что-то посвящать, — говорит он. — Я люблю тебя просто такой, какая ты есть.

«Сент-Пол» называю я его, когда он притворяется, будто я ему нисколько не в тягость, но Пол обычно смешливо фыркает.

— Да какой уж там святой, — отмахивается он.

Ну ладно, положим, не святой. Кто из нас святой, на самом деле! Но, по-любому, его прегрешения — мои прегрешения. Как говорят обычно престарелые пары? Что твое — то и мое. Вот только мои грехи... Они лишь мои собственные.

— А ты почему не ешь, Эм? — спрашивает Пол, когда я ставлю перед ним на стол тарелку.

— Я поздно пообедала, просидела с работой. Пока не голодна. Может, поем чуть попозже, — вру я ему. Прекрасно знаю, что у меня кусок в глотке застрянет, если я что-то положу в рот.

Я одариваю мужа сияющей улыбкой — как обычно улыбаюсь на фото.

— Со мной все в порядке, Пол. Давай-ка налетай.

Присев со своей стороны стола, я мелкими глотками потягиваю из стакана вино, прикидываясь, будто внимательно слушаю, как прошел его день. Голос

Пола то повышается, то словно опадает, потом возникает небольшая пауза, когда он пережевывает ту отвратную еду, что я подала ему на ужин, и речь возобновляется.

Время от времени я киваю в ответ, хотя на самом деле ничего не слышу. Интересно, видела ли уже эту заметку Джуд?

..... 2

Вторник, 20 марта 2012 года

КЕЙТ

Кейт Уотерс уже все обрыдло. Обычно это слово не ассоциировалось у нее с работой, однако сегодня она застряла в редакции, вынужденная сидеть прямо перед носом у начальника и заниматься одним лишь переписыванием чужих статей.

— Это вот тоже пропусти через свою «золотую клавишу»! — крикнул ей через стол новостной редактор Терри, подбрасывая Кейт еще один чей-то неважнецкий опус. — Подпусти туда чуточку своей волшебной пыли.

Что она, в общем-то, и сделала.

— Работа у нас — прям как на трикотажной фабрике Майка Болдуина¹, — проворчала Кейт сидевшему напротив коллеге из криминальной хроники. — Шлепаем все тот же застарелый хлам, только с рюшечками. Ну а ты над чем работаешь?

---

¹ Имеется в виду фабрика из популярного британского «мыльного» телесериала «Улица Коронации», стартовавшего еще в 1960 году. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Читавший какую-то газету Гордон Уиллис, которого их редактор величал не иначе как по его рабочему наименованию — типа «Подключи к этой работе нашего «криминальщика», — поднял голову и пожал плечами:

— Собираюсь после обеда в Олд-Бейли¹. Хотел бы пообщаться с детективом, что вел дело о том убийстве из арбалета. Хотя едва ли это выгорит. Но надеюсь, что после заседания смогу поговорить хотя бы с сестрой жертвы. Вроде как она спала с убийцей. Так что получится этакий многоярусный заголовок: «Жена, сестра и убийца, их возлюбленный». — И он расплылся в ухмылке, представив это на полосе. — А что? У тебя какие планы?

— Да никаких. Сижу вот, распарываю то, что понашила одна из наших интернетных работяг. — И она кивнула на пубесцентного вида девицу, яростно молотящую по клавиатуре за столом через комнату. — Только после школы.

Тут до нее дошло, что говорит она сейчас, должно быть, как озлобленная, а главное — старая брюзга, и заставила себя умолкнуть. Гигантская волна электронных СМИ отбросила и Кейт, и таких, как она, корреспондентов на дальнюю периферию газетной жизни. Те журналисты, что прежде восседали в редакции за «почетными» столами — таким газетным эквивалентом пьедестала победителей, — теперь пристраивались на краю их новооборудованного ньюсрума, вытесняемые все дальше и дальше к выходу стремительно растущими рядами онлайн-сотрудников, которые кропали свои ста-

---

¹ *Олд-Бейли* — традиционное название Центрального уголовного суда, расположенного в центре Лондона.

ты в режиме 24/7, дабы наполнить ненасытную утробу круглосуточной подачи новостей.

Новые средства информации уже давно перестали быть новыми — насчет этого главный редактор хорошо «прочистил» им мозги еще на рождественском банкете. Все это являлось вполне нормальным течением жизни. Это было их будущее. И Кейт сама понимала, что должна перестать из-за этого ворчать и жаловаться.

Однако перестать было трудно, фыркнула она про себя, когда самыми освещаемыми темами на сайте их газеты были теперь руки Мадонны со вздувшимися венами или то, как набирает вес одна из звезд «Ист-Эндров». Это «ненавижу знаменитостей» нынче подавалось в качестве новостей. Жуть!

— Впрочем, — сказала она уже вслух, — это может и подождать. Схожу-ка лучше принесу нам кофе.

Так же ушли в прошлое и традиционные начальские «летучки» — столь любимые в ближайших к Флит-стрит приличных пабах, поскольку все руководство тогда удалялось на утреннее совещание у главного. Обыкновенно за этими «летучками» следовали пьяные «красномордые» разборки с редактором новостей. Как гласила легенда, один из подобных скандалов окончился тем, что некий корреспондент, нарезавшись так, что не стоял на ногах, укусил начальника за лодыжку, а другой вышвырнул из окна на улицу пишущую машинку.

Ныне окна редакции новостей, расположенной прямо над торговым центром, были герметично заделаны двойными стеклопакетами, а любой алкоголь категорически запрещался. Новым их нездоровым пристрастием теперь явился кофе.

— Ты какой хочешь? — спросила Кейт.

— Двойной макиато с ореховым сиропом, пожалуйста, — отозвался Гордон. — Или с одной животворной влагой коричневатого цвета. Что первое подвернется.

Кейт спустилась лифтом вниз, подхватила со стойки охраны в старинном мраморном вестибюле утренний экземпляр *The Evening Standard*. И пока бариста за стойкой священнодействовал со своей кофеваркой, она от нечего делать пролистнула страницы газеты, ища среди авторов статей знакомые имена.

Весь номер сплошняком был посвящен приготовлениям к лондонской Олимпиаде, и Кейт едва не пропустила маленькую заметку в самом низу колонки со сводкой новостей.

Под заголовком «Найдено тело младенца» в двух предложениях излагалось, что на стройплощадке в Вулвиче — не так уж далеко от дома Кейт на востоке Лондона — из земли был извлечен скелетик новорожденного. Полиция ведет расследование. Больше никаких подробностей.

Кейт выдрала эту заметку на потом. Дно ее сумки уже давно было выстлано помятыми обрывками газет. «Точно у попугайчика в клетке», — дразнил ее старший сын Джейк, потешаясь над этими кусочками бумаги, ожидающими, когда же в них вдохнется жизнь. Иногда в них крылся целый сюжет, а иногда — причем куда как чаще — обнаруживалась всего лишь строчка или просто цитата, вызывавшие потом у Кейт недоуменный вопрос: «И в чем тут соль?»

Она перечитала эту коротенькую статейку из трех десятков слов и тут же подумала о человеке, которого в ней вообще не вспомнила. О матери. И пока Кейт шла обратно в редакцию с двумя стаканами кофе, ее терзали

Д И Т Я

одни и те же вопросы: «Кто этот младенец? Как он умер? Кто мог так вот закопать крохотное дитя?»

— Несчастливая малютка, — сказала она вслух.

Все мысли Кейт внезапно заполнились собственными ее детьми: Джейком и Фредди, родившимися с разницей в два года и по-семейному чаще именуемыми просто как «мальчишки», которых Кейт вспоминала то крепышами-карапузами, то отроками в футбольной форме, то угрюмыми, колючими подростками, то уже нынешними взрослыми юношами. «Ну, почти взрослыми», — с улыбкой поправила она себя. Кейт припомнила те моменты, когда каждого из них увидела впервые: такими красными и скользкими, такими сморщенными, как будто слишком крохотными для своей кожи. Она вспомнила их мигающие глазки, глядящие с ее груди, и то радостное чувство, что эти вот личики с ней будут навсегда. Как вообще кто-то мог убить младенца?

Вернувшись в ньюсрум, Кейт поставила к себе на стол стаканы с кофе и подошла к редактору отдела новостей.

— Не возражаешь, если я этим займусь? — спросила она Терри, помахав перед ним крохотным газетным обрывком, в то время как тот пытался на экране разобраться в иностранных особах королевской крови.

Терри на нее даже не взглянул, и Кейт решила, что он не возражает.

Первый ее звонок был в пресс-центр Скотленд-Ярда. Когда она еще только начинала в мире журналистики, попав стажером в одну из местных газет Восточной Англии, Кейт имела обыкновение каждый день наведываться в местный полицейский участок. Там, облокотясь на стойку дежурного, она проглядывала записи в его